

Михаил Матвеевич Рябушкин родился в 1940 году в городе Борисоглебске. Окончил отделение печати Высшей партийной школы в Москве. Около 30 лет работал в Борисоглебской районной газете литсотрудником, завотделом, ответственным секретарем редакции. Член Союза журналистов России с 1962 года. Автор трех сборников прозы, эссе, новелл и лирических зарисовок. Живет в Борисоглебске Воронежской области.

Михаил Рябушкин

РОДНЫЕ СОЛОВЬИ

Рассказы

Душная июньская ночь. Тревожная тишина накрыла окопы, прижала солдат к земле. Отбита еще одна яростная атака, и короткая передышка — как глоток свежего воздуха. Но где-то на фланге глухо и торопливо строчит автомат, и пули чертят над лугом светящиеся смертельные полосы. Как от испуга вздрагивает темное небо, моргая блестящими глазами-звездами.

Солдаты-новобранцы Никита Кнутов и Федор Дубов сидят в сыром окопе в метре друг от друга. Они всего полгода на войне, но это уже не первый их бой, и дрожь на спине — тоже знакомая подруга. Курят, пряча в кулаках тусклые огоньки сигарок, и едкий дым махорки унимает нервы.

Кнутов показывает Федору большой палец, Дубов кивает головой и едва шепчет:

— Все в порядке...

Сигарка дрожит в его руке. Никита молчит и лишь грызет зубами мундштук своей «козьей ножки». Слышно, как старые большие ручные часы «шлепают» у него на руке — считают бесценные минуты покоя и тишины.

Но вот со стороны и сверху до солдат доносится робкий, нежный, завораживающий и знакомый звук птичьего щебетания. Он не в уши влетел, он пронзил сердца автоматчиков.

— Ты слышишь? — метнулся Никита к Дубову. — Соловей!

Дубов округляет глаза, привстает на колени и молча, с открытым от удивления ртом смот-

рит на Никиту. А тот оцепенел, сидит, как изваяние, боясь шевельнуться и спугнуть неожиданное чудо, спрятавшееся на старой ветле напротив. Оба пытаются разглядеть смельчака, бросившего вызов войне, не побоявшись ее орудий и пуль.

Никита прикладывает палец к губам, обхватывает Федора руками за плечи вместе с висевшим у него на груди автоматом. Трясет друга молча и неистово, будто закончилась война и пришла победа и будто до него дошел дорогой и родной голос матери, оставшейся там, в далекой деревушке, где-то в глубинке встревоженной России...

А крылатый певец вошел в азарт. Взял высоко и тонко, с переливами и трелью. Поет без остановок и передышек, словно знает, что тишина, накрывшая передовую, будет недолгой и ему надо уложиться в короткий отрезок времени, выдать все, что накопело внутри за прошедший, страшный, громыхающий день.

Солдаты сидят изумленные, не веря в явь, и лишь внезапная тишина обрывает прекрасный концерт и возвращает им действительность.

— Вот это да! — потрескавшимися губами говорит, едва слышно, Федор. — Соловьи на войне! Невероятно! Как они здесь оказались, в этом страшном и горячем месте?

— Очень даже просто! — отзывается Никита. — Они тут живут, они наши, русские, и это их земля. А враги тут временно, мы вышвырнем их отсюда.

— Обязательно! — соглашается Федор, и опять лезет в карман за кисетом с табаком, и снова спрашивает:

— О чем же они поют?

Никита не успевает ответить. Недалеко бухает снаряд, потом еще один, и все дрожит вокруг.

— Я знаю, о чем... — кричит Никита, падая на дно окопа. — О красоте жизни и о нас с тобой...

Шуршит осыпающаяся сверху земля, слышна далекая, кроткая автоматная очередь. И снова тишина.

— У нас на Саратовщине тоже полно соловьев, — опять нарушает ее Никита. — Пойдешь с ночевкой на Волгу рыбачить — спать не дают до самого рассвета. Такой концерт устраивают, что заслушаешься и про рыбалку забудешь...

— Да кто ж на рыбалке спит? Много наловишь во сне! — смеется Дубов.

— Бывает иногда. После рюмашки, да если еще не одной... — произносит Федор. — А все же пользы больше. Однажды целая комедия произошла с этими соловьями. Хочешь, расскажу?

— Валяй! Все равно спать нельзя, а молча сидеть тошно...

— Так вот, — начал Федор, — есть в нашем селе потешный мужичок Илья Ефимович, с которым всю его жизнь разные приключения случаются. Старый уже. Теперь, может, и помер уже, или еще жив, но дело не в этом. Рыбачил он как-то ночью на Волге в одиночку. Пришел с вечера, расставил закидушки — все как положено. При этом разделся до трусов — душная ночь была. «Пустой» он на речке не никогда не появлялся, всегда с бутылочкой. «Для отрады души и большей бдительности», как он выражался... Перед началом охоты Ефимович приложился к ней разок-другой, помурлыкал что-то себе под нос и заснул. А когда разделвался, по неряшливости своей бросил штаны на одну из закидушек, конец которой был с крючком и насадкой. Судак килограммов на пять соблазнился на насадку, заглотнул ее и потащил в глубину. Поползли с берега в воду и дедовы штаны...

Оба от души смеются, да так, что бойцы, сидевшие невдалеке в том же окопе, повернули к ним головы.

— И что же дальше? — не терпится узнать Дубову. Федор унимает смех и, понизив голос, продолжает с улыбкой:

— Соловьи его выручили. Так распелись в ту ночь хором, что разбудили пьяно-

го Ефимыча. Очулся старик, смотрит — штаны отчаливают от берега. Бросил-ся за ними, успел ухватить и не дал судачку шанса, вытянул его на берег вместе со штанами... В них, как оказалось, при броске вонзился один из крючков. Благодаря этому дед спас свою одежду и улов. Радостный в село явился и прямехонько к продавщице Маруське направился. Уговорил ее немедленно открыть торговое заведение и отпустить ему «необходимый товар» — то есть бутылку водки.

Ночь слушает солдатский смех и, удивляясь, моргает далекими звездами. Расступился, обессилел мрак, озаренный улыбками повеселевших автоматчиков, на миг забывших о войне и мысленно оказавшихся вдалеке от нее.

— У вас Волга, а у нас своя красота — поля, луга, дубравы. И река тоже есть, хоть не такая, как ваша, — загорается Федор, и глаза его блестя огоньками. — Если бы ты все это увидел, непременно бы влюбился. Воронежский край — хлебный край. У нас поля, что моря бушующие, а луга не имеют краев. И все в белых ромашках, голубых васильках и разноцветных колокольчиках. А по оврагам донник ароматным медом наполнен — приволье для пчел. Идешь — по грудь утопаешь, самым сердцем прикасаешься к цветам, дышишь густым воздухом, и кружится голова...

— От чего же кружится? — не понимает Никита.

— От цветов и запахов! Эх ты, речная твоя душа! Сразу понятно — не видел ты ничего, кроме воды, и не нюхал ничего, кроме рыбы. Волжанин! А я — крестьянин, я — от земли, от хлеба, от травы и цветов.

Он в порыве хлопает товарища по плечу, спрашивает:

— Ты-то небошь и на сенокосе ни разу не был?

— Не приходилось.

— Ай-ай! — качает головой Федор. — Так ты, выходит, самого главного в жизни не видел — как просыпается земля, как она умывается росой, как рождается новый день! А про соловьев мне толкуешь, ты их слушал на заре?

— Конечно! Я ж тоже деревенский, — с обидой отвечает Никита. — Не в городах-столицах рос, в зеленой глухомани возле тихой речушки Вороны. Слышал про такую? У нас соловьи покруче ваших! Так поют, что дух из тела выскакивает. Ни один композитор таких выкрутасов не сотворит, как они. Такие кудри голосами своими навьют — ахнешь! Человеку еще не удавалось ничего даже похожего выдать — только соловьям бог дал такой дар.

Он довольно улыбается в темноте, блестя белыми зубами, и вдруг оживляется, отбросив обиду:

— Пробовали у нас два друга конкуренцию соловьям составить — тракторист Митька и колхозный бригадир Афанасий. Лучшие свистуны во всей округе. В концертах всяких участвовали, на сценах выступали, подражая своим свистом пению всяких птиц. Здорово у них получалось, когда они свистели как синицы, жаворонки, дрозды и щеглы. А вот по-соловьиному посвистеть им слабо. Афанасий выводил похоже, высоко, тонко и витиевато, но Митька над ним смеялся. Они были друзьями не разлей вода, да соловьи их рассорили...

— Соловьи? Это как так? Ты ври, да не завирайся. Эти птицы сердца сближают! Ты, видать, ничего в сердечных делах не смыслишь.

— Смыслю, и получше тебя, — задиристо отвечает Никита. Он молчит несколько минут, гася вспыхнувшее в душе возмущение, но потом продолжает:

— Митькина сестра Иришка заглядывалась на Афанасия, кокетничала перед ним. Ей нравилось все, что он делал. После каждого его «выступления» она до красноты отбивала свои ладошки, аплодируя ему, и визжала от восторга: «Браво! Браво! Какая красота, какой молодец! Настоящий артист!» И все жалась к Афанасию. Ребята и девчонки откровенно хихикали, но Ирина не обращала на это никакого внимания. Митька не вмешивался и оставался в стороне. Он выдержанный и терпеливый, но все же в отношениях свистунов возникла трещина.

— Разругались, значит, — вставил Дубов.

— Не то, чтобы бодались рогами, но разлад получился полный. Теперь не ходят в обнимку, как раньше, избегают один другого. Холод в их отношениях наступил

— Почему же? Случилось что?

— Случилось.

— Расскажи, пока затишье. Молча сидеть невозможно...

— Ну слушай, — соглашается Федор. — После майских праздников, когда весна дышит настоящим теплом, вечерами за околицей собирается молодежь. Это не только у нас, в Степном, в каждом селе. Гуляния, танцы, игры, смех. Рвутся души на простор, бушуют воля и размах после скучной зимы.

И вот как-то Митька со своей сестрой припозднились. Пришли, когда веселье на зеленом берегу уже было в самом разгаре. Ребята и девчата взяли в круг Афанасия и наседали на него с просьбой:

— Посвисти, Афоня, соловьем! Дай фору! Докажи, что ты не хуже этих птах можешь. Всем на радость, а Митьке с Иришкой назло.

— А где они, кстати, есть? — спросил тощий верзила Аркашка — самый высокий из ребят. — Почему их нет?

— Да вон они, с пригорка спускаются! — отозвался кто-то. — Ишь, идут, не торопятся. А ты, Афанасий, не жди их, начинай. Терпения больше нет. Пусть они издали послушают, коли опоздали.

— Да Митька не хуже выдаст! Не уступит! — опять вставил верзила. — Посмотрим, кто кого...

Афанасий выдал переливчатую трель, достал до самого неба, свистел на разные лады, приводя всех в восторг. Голос его соловья летел далеко над просторами, растворяясь в мгlistой дымке. Услышали его и Митька с Иришкой. В Митьке вздрогнуло самолюбие. Он по привычке сморщил нос и громко спросил:

— Кто там у нас сегодня чирикает? Слышишь, Иришка?

Свист моментально смолк. Афанасий как можно спокойнее отозвался:

— Кто не отличает соловья от воробья, тому и ворона певчая птица.

Грянул дружный хохот. Митька надулся, поняв, в чей огород пущен камешек, и не сдержался. Растворил всех, подошел к Афанасию и, заикаясь от волнения, сказал ни к селу ни к городу:

— На себя посмотри, петух общипанный...

Мы все обомлели. На поляне наступила тревожная тишина. Всем известно, что Афанасий хоть и выдержанный, но иногда может вспыхнуть, как спичка, и завязать драку. Но на этот раз он сдержался, отвернулся от своего соперника и вдруг опять засвистел соловьем. Задорная трель прорезала возникшую тишину, и все вокруг ожило. Завизжали замолчавшие было девчонки, с ребят спало напряжение. Верх взяли весна и соловьи...

— Да-а-а.. — задумчиво тянет Дубов. — Большая сила в этих птицах. Скучно было бы без них в мире. Правда? А любовь? И ей не быть без соловьев...

Последние слова Федора заглушает близкий взрыв. В лицо солдатам бьет волна горячей земли, нахлынувшая на окоп. Оба, падая вниз, едва успевают закрыть лица руками.

— Почти точно... — фыркает Никита, стряхивая с себя землю и бормоча себе под нос, — еще бы чуть-чуть — и не услышать бы нам больше соловьев...

— Ни хрена! Не достать фашисту нас! — подхватывает Федор, размазывая грязь на лице и по-детски улыбаясь. — Мы только начали воевать — и нам еще далеко гнать врагов до их логова. А ты вот мне скажи, в Германии есть соловьи или уже ни одного не осталось?

— Есть! — кричит ему на ухо Кнутов. — Они везде есть! Они — сама жизнь и любовь, а их нельзя уничтожить.

Опять тяжелый взрыв снаряда. Дрожит земля, жгучее, ослепительное пламя. И суровый крик взводного:

— В атаку! За мной! Вперед!

Бегут солдаты, презирая смерть, прижав к груди автоматы. По своей земле, где всегда будут зеленеть луга, усыпанные цветами, течь чистые реки и петь на зорях родные соловьи...

РАНЕНАЯ БЕРЕЗА

Лето.

После полудня зной ослаб, с луга крадется вечерняя прохлада, и шаловливый ветерок начинает свою игру. Мужики-старички сидят на шаткой лавочке у дома отставного кузнеца Егора Егоровича Полякова. Покуривают, ведут разговор о чем придется.

— Хорошее нынче солнышко. Не злое, — говорит один. — Иной раз — как скородка горячая, лицо печет, а сейчас — как мать ласкает.

— Дождичек бы не помешал, давненько не шумел, — подхватывает другой. — Деревья зелень свою теряют, пора бы ему сжалиться.

— Росой утром умоются, — вступает в разговор щупленький дедок, сапожник Филипп Филиппович. Он дымит без конца махоркой и кашляет.

— Росой деревья ноги мочат, а умываются дождем, — возражает хозяин лавочки. — Вон береза, наша красавица, стоит — кудри давно не моченные.

Все смотрят на березу, что за последним двором, на лужайке, словно никогда ее не видели. Вот и новая тема для разговора.

— Давно она здесь стоит! — восклицает вслух сапожник. — Сколько ж ей годов? Может, нам ровесница?

— Усы твои седины еще не знали, а она уже стояла, — ухмыляется Егор Егорович и, помолчав, добавляет:

— Внука моего, Мишатки, еще не намечалось, а береза уже невестилась. Времечко, оно мчится...

— Откуда она взялась, кто ее посадил? Поди, никому из нас не известно? — вступает в разговор молчаливый до этого Гришка-голубятник.

— Сама выросла, никто ее не сжал! — отвечает жена Егора Егоровича, Зинаида Ивановна, подслушавшая мужской разговор.

Соседи болтают, посмеиваются, а дед дергает бровями и отмалчивается. Есть ему, что вспомнить о кудрявой «соседке», на его глазах она всю жизнь — ближе всех к его дому. Возле нее росла и поднималась местная молодежь, а он старел. И тоже тянулся к ней. Частенько прихватывал с собой свою скамеечку и часами сидел под кроной, листая в памяти страницы своего прошлого. А то иногда стоял у березы, поглаживая корявой ладонью такой же корявый ее ствол...

Теплый осенний вечер. Увядание природы, прощание с уходящим летом. Любит это чудное время Поляков, хотя всегда в уголке его души шевелится грусть... И вдруг совсем неожиданно и четко всплывают пред глазами дорогой образ старшего сына Алексея и озорной красавицы, соседки Насти. Алексея, живой, не убитый, веселый, обнимает Настю, но она увертывается, вырывается и бежит от него прочь...

Егорович порывается встать с низкой скамейки, но не может. На плече у него рука внука Мишки.

— Деда, что с тобой? — спрашивает внук, заглядывая ему в глаза.

Старик возвращается в явь и испуганно отвечает:

— Я ничего... Просто так, что-то показалось и вспомнилось.

— Что именно? Неужели секрет про березу? Когда ж ты мне о нем расскажешь? Давно обещаешь...

— Да, — опускает голову старик, — пожалуй, время настало, можно и рассказать все, иначе оно уйдет навсегда со мной.

— Деда, о чем ты заговорил? — пугается Мишка.

Егор Егорович достает из кармана сигареты. Разминает одну дрожащими пальцами, проносит горящую спичку мимо нее.

— Ты же бросил курить, — удивляется внук.

— Ах да! Конечно.

Дед поднимается со скамейки, идет к березе и зовет за собой Мишку.

— Пойдем, что покажу.

Он обходит толстый ствол дерева и, наконец остановившись, показывает:

— Вот! Посмотри!

На белом стволе, на уровне его плеч, едва заметен потемневший, косой и глубокий порез, как шрам на лице человека. Привычная пестрота коры березы почти скрывает его от человеческих глаз. Поэтому-то столько лет он оставался никем не замеченным.

— Что это? — удивился Мишка. — Кто это сделал?

Егор Егорович почувствовал слабость в ногах и опустился на траву.

— Садись! — позвал он внука. — Я расскажу тебе все.

— Что «все»? О чем?

— А вот об этой нашей березе, о твоём отце и еще кое о чем...

— Об отце? А он тут причем? — опять удивился Мишка. — Ты редко о нем говоришь — и какая тут связь?

Старик ответил не сразу. Пауза была длинной, но внук терпеливо ждал.

— Ты знаешь Настю Назарову, девушку с соседней улицы? — спросил наконец Егор Егорович. — Живет за углом. Красивая, белокурая. С гитарой ходит и веселит вас у березы на лугу вечерами?

— Конечно! Все ее знают. Она же в нашей школе учится.

— А мать ее, Веру Николаевну? Ту, что книжками у вас заведует?

— Библиотекаршу? Конечно!

Мишка пододвинулся к деду ближе и тронул его за плечо.

— Это что за вопрос, деда? Я ничего не понимаю, а ты говоришь загадками. Все смешал в кучу — березу, Настю с ее матерью, библиотеку. Объясни, пожалуйста.

— Объясню и расскажу, как обещал, ты только меня не торопи, — ответил Егор Егорович и замолчал, сделав скорбное лицо.

— А отец у Насти есть? Ты знаешь, кто он, ты его видел когда-нибудь? — снова задал он вопрос.

— Нет. Знаю только, что зовут его Алексеем.

— Что значит «нет»? Нет совсем, или ты не встречался с ним?

— Нет совсем, он умер. Она не видела его ни разу и не помнит.

Его Егорович печально качает головой, и глаза его сделались влажными. Мишка заметил подергивание левой щеки старика, что случается у того при сильном волнении.

— У Насти отчим есть, дядя Коля. А зачем ты об этом спрашиваешь? — подался к нему внук. — При чем тут Настин отец и она сама? Зачем весь этот разговор?

— Я хочу, чтобы ты знал... — начал Егор Егорович и вдруг осекся, будто обжегся, опустив голову и отвернувшись. Густая листва могучей березы зашумела вверху, потревоженная налетевшим ветром. Старик глубоко вздохнул и не сказал, а выдохнул с тяжелой горечью:

— Настя — твоя родная сестра. Мне, стало быть, внучка... У вас один отец — мой сын Алексей, сложивший голову в этом проклятом Афганистане.

Мишка неметет. Моргает глазами, судорожно глотает воздух. Наконец, справившись с шоком, забормotal:

— Сестра, сестренка... Настя... Стоп! А ты, деда, не выдумал все это? Как так может быть?

— Смогло вот, сталоcь... Сейчас отдышусь и объясню.

Он измял еще одну сигарету, опять обжегся спичкой и, отбросив в сторону коробок, убежденно начал объяснять:

— Николай — отчим Настин, а это значит — чужой человек. Служил в армии вместе с нашим Алешкой. Родом из Новосибирска, а приезжал к нам, в Воронежскую область, к другу в гости. Вот какая дружба бывает, но не всегда добром она заканчивается. Побыл он тут неделю, да натворил дел. Влюбился в Алешкину невесту Верочку. Теперь она — Вера Николаевна, ваша библиотечная начальница. Охмурил ее как-то Николай, сумел завлечь, перетянуть к себе. Само собою, поссорились друзья, не хотели уступать друг другу хорошую девчонку. Дрались даже. Николай уезжал в свою Сибирь и снова возвращался. Страсть свою не смог побороть, да и Верка тянула его к себе. По уши влюбилась в парня, а от Алеши отвернулась. Написала она ему в письме, что жить без него не может и что ждет от него ребеночка. Придумала она последнее... В этом позже все убедились — бесплодный Николай оказался.

— А как же Настя?... — смутившись, перебил деда Мишка.

— А ты посмотри на нее, она же копия нашего Алексея... Пытались ребята помириться, да ничего не вышло. Сошлись однажды на лугу у нашей березы. Жесткая схватка была. Сначала кулаками махали, носы свои пораскровили, а потом... — Егор Егорович тяжело вздохнул. — Озверели оба совсем. Николай выхватил из кармана нож и занес ее над Алексеем... Да промахнулся, к счастью. Ударил по березе и сам от этого удара отлетел в обратную сторону... А тут уже наша местная ребятня подросла. Скрутили обоих, растащили. Алексея к нам, а Николая Верка увела. Привязала она его к себе, до сих пор от не вырваться не может.

— А дядя Леша, то есть мой отец? — с волнением спрашивает Мишка.

— Он уехал добровольцем в Афганистан. Мать твою с животом у нас осталась ждать его, да не дождалась. Вместо мужа похоронка к ней пришла с войны. Тебя мы сообща вырастили.

Егор Егорович замолк на минуту, потом встрепенулся:

— А вон и она идет с бельем. На речку ходила, стирка у нее. Подсоби ей, поднеси вещички хоть до березы. От нее до дома — рукой подать...

ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО

1

Там, где луг упирается в лес, начинается Ильмень-озеро. Мелководное, илистое, просторное. Изогнулось подковой, обхватив усынками, как руками, огромный лесной массив. В этом лесу найдешь ягоды, плоды и цветы, увидишь зверя. Тихая, глухая сторона, но не забытая людьми. Из села, что километрах в трех, ведут сюда две дороги и множество тропок. Одна дорога раньше была накатана подводами — местный народ за дровами ездил, а сейчас легковушками. Дрова теперь не нужны, газ пришел в село, и к озеру по утрам спешат только рыбаки и охотники. На машинах и мотоциклах.

Был раньше и еще один путь, обозначенный следами коров и овец, хорошо известный и старому, и малому. По этому пути гоняли на раздольные пастбища скот колхозный и частный. Пастбища широко раскинулись вдоль берега старого Хопра. Весной они вместе с Ильменем скрываются под его водами, чтобы запастись влагой и набрать силу. А отступит вода — бархатным, зеленым ковром покрывается необъятный луг.

В апреле Ильмень-озеро недоступно. Луг в воде непроходимый, лес прозрачный и тоскливый. Но те, кто имеет скот, уже посматривают в знакомую сторону — скоро, скоро наступит раздолье.

Далекой весной я — молодой и нетерпеливый — примчался сюда с удочками, когда другие рыболовы еще не доставали их из своих укромных мест. Хотел опередить всех, снять сливки с заветных мест, насладиться рыболовным азартом. На позеленевшем уже лугу гуляло колхозное стадо. Ферма располагалась на краю села, и ветер принес туда запахи весны. Знакомый уходчик Алексей стоял поодаль, глядя куда-то в сторону, и не сразу увидел меня. Потом крепко пожал мне руку как старому знакомому.

— Не терпится тебе, охота покоя не дает? — улыбнулся он.

— Не терпится. Красота зовет и раздолье. Я ведь тоже из таких мест и не могу без этого.

— Понятно, — кивнул Алексей и спросил, прищурившись: — А помнишь нашу первую встречу?

— Как же можно забыть! — ответил я.

О чем это мы — понятно нам одним. Мы возвращаемся в своих воспоминаниях в предыдущее лето. В тот памятный день, когда Ильмень-озеро свело нас и познакомило.

...Сырость, перемешенная с запахами стоячей воды и травы. Настороженная тишина. Из-за леса, с противоположной стороны озера, в небо карабкается тяжелая, хмурая туча.

— Намочит нас сейчас, рыбалку тебе испортит.

Я молчу. Нетерпеливая лошадь не стоит под ним на месте. Пастух откидывает плащ-накидку военного образца, легко спрыгивает на землю и бросает в траву поводья:

— Гуляй!

Садится на корточки рядом и участливо спрашивает:

— Ни одна рыбешка не попалась?

Кладет возле ног плетеный кнут, лезет в карман за кисетом и рассудительно заключает:

— Перед дождем оно всегда неважно получается.

— Ты тоже рыбачишь?

— Редко! Когда-то охотник был, теперь остыл. Да и другие заботы... В пацанах хорошо было, хоть целыми днями сиди, в школу идти не надо. Сейчас дело другое, редко удается вырваться. Летом с утра и до темна с кнутом, — отвечает и показывает на пестрое стадо коров.

Потом мы вместе сидели под плащ-накидкой. Он прав оказался: пошел дождь. Толковали. И так вышло, что сразу определили свои места: я — гость, он — хозяин. Так было и потом, при новых встречах, которые случались и на ферме, и в правлении колхоза. Меня забрасывали сюда журналистские заботы, а его — работа на ферме и просто жизнь. Потому что здесь он родился и вырос, отсюда в армию уходил и сюда, не задумываясь, вернулся. Здесь у него глубокие корни, по этой земле он уже не первый десяток лет ходит. И профессия у него тутошняя — животновод.

Я помню то время, ставшее историей. И забыть бы его, да сердце не велит. Годы прошли, но ведь жизнь осталась! Плещется, как и прежде, зеленая вода в Ильмене, украшает он родную землю, и новое поколение слушает тех, кто уже состарился и вздыхает о прошедшем. Много разных событий хранит озеро, да не всем доводится их слышать.

Днем Ильмень прекрасен. Когда солнце играет в воде, птицы поют, рыба плещется, и вольный ветер по камышам гуляет. Но ночью он совсем другой.

— Ночью сюда лучше не соваться, — загадочно сказал мне как-то между прочим Алексей, давным-давно — пастух.

— Почему? — удивился я.

Он промолчал, не ответил, а больше нам не довелось свидеться. Но как вольный ветер гонит тучи, так бесконечное время несет события. Немало их суждено было произойти на диком и вольном Ильмене.

3

В городе на рынке торговали две старушки. Одна картошкой, другая карасями. С картошкой все понятно, она с огорода, а рыба откуда?

— Старик у меня большой охотник, — объяснила хозяйка карасей соседке по прилавку. — Медом не корми, только бы на рыбалку сходить. Я противница этого, да он никого не слушает, если решил, то обязательно уйдет.

— А зачем препятствовать? Это же счастье добытчика в доме иметь. Рыба полезна для нас, стариков, и денег немалых стоит.

— Так-то оно так, — соглашается жена рыбака, — но дело это опасное.

— Чем же? Он, наверное, на лодке плавает?

— Нет, просто так в высоких сапогах в озеро лазает.

— Батюшки!

— Да вот же! На днях ушел вечером, а явился утром на следующий день. Да чуть не утоп! Засосало его в илу... Но главное не в этом. Нечистая сила там в воде прячется! Дед на знакомой кочке сидел, давно облюбованная у него есть, много раз он на ней рыбачил. Правда, днем, а тут ночью его принесло. Добрался до этой кочки, посидел немножко и вдруг слышит — шипение какое-то и свист какой-то идет из-под этой кочки... Будто дышит кто там...

Дед от страха соскочил с нее по грудь в воду и хотел бежать на берег. Но побегал не в ту сторону, где твердо, а туда, где трясина. И погрузился по горло...

— Ай-ай! — ахает соседка-торговка. — Беда-то какая!

— Всю ночь стоял в воде. Только утром, когда стало видно, дотянулся до какого-то бревна и вылез.

— А чего ж он на помощь никого не позвал?

— Кого позовешь, кто ночью на озере есть? Кроме того, кричать было нельзя. Только крикнешь — смех раздастся. Нечистая смеется, она под той кочкой сидела.

Торговка картошкой истоиво крестится и сочувственно вздыхает.

— Ты не пускай больше его на озеро. Дед дороже рыбы, — советует она.

— Как же его не пустить, привязать, что ли? Вчерась опять убежал, вот карасей этих притащил. На другой кочке, говорит, сидел с вечера, а ночевать не стал.

На базаре что рассказал — то всему миру сообщил. Теперь и в городе про нечистую говорят. А в деревне, что возле Ильменя, обо всех старых и забытых историях вспомнили. И поползли страшилки... Расскажу и я одну.

4

Отставной милиционер, подполковник Иван Макарович Севостьянов со своим бывшим коллегой и бывшим инспектором ГАИ Михаилом Михайловичем Касьяновым многие годы занимаются охотой. У обоих одинаковое снаряжение, ружья и собачки одной породы. Когда работали, выбирались на охоту только по возможности, а ушли на пенсию — по настроению. Бродили чаще всего по окрестностям города, недалеко от Хоперского заповедника, а в настоящие охотничьи угодья выбирались ред-

ко. Попали один раз на Ильмень-озеро, и оно их приворожило. Там и кабана можно встретить, и лисицу, и зайцев полно. А если прихватить с собой удочки, резиновую лодку, то и без рыбы не вернешься домой. Озеро глухое, таинственное, там что угодно можно увидеть, но пощекотать свои нервишки иногда бывает полезно.

Собрались туда однажды. Серьезно. Основательно, на парочку дней. Был август, зори еще не холодные, решили одну провести на природе, как говорится, «вдали от шума городского».

Приехали на старой макарычевой «Ниве» — надежная, проходимая техника, хоть ей и сто лет в субботу. Прихватили одну «Перцовую» для согрева и поддержания духа. Макарыч было запротестовал:

— Зря это. Вдруг с гаишниками столкнемся? Не отвертисься.

— Да уж прямо! Испугались мы их. Нас знают. А я старое удостоверение прихватил.

— Кто тебя помнит! — посмеялся Касьянов. — Посмотри, кто нынче погоны носит — молодежь, дети наши да внуки! Ты сколько уже без погон ходишь?

— Неважно, — буркнул Макарыч и больше не захотел говорить на эту тему.

Карась брал плохо, мелкий и темный, с почти черной спиной.

— Озерный, — сказал знаток Михаил Михайлович. — Вечером сеткишки растянем, ночью крупный влетит. Он осторожный, днем пугается и в глубине сидит.

Сделали как задумали. Заранее накачали лодки, приготовили колья. Очистили сеть от прошлогоднего мусора.

— Порядок! — потер руки Севостьянов. — Теперь можно и горло промочить. Стели, Михалыч, поляну!

Было тихо и тепло. Ветерок, морщивший воду на свободной от водорослей середине озера, угомонился, пахло сыростью, камышом и лесными травами. Солнце еще не коснулось леса, но дальний горизонт уже начал туманиться. Сеть не очень длинная, со средней ячейкой, но с глубокой посадкой. Растянули, прикрепили, притопили верхний шнур, чтобы не было видно. Все сделали быстро, ладно. Еще бы, столько лет вместе охотятся, манеры друг друга знают.

Уселись на своей «поляне». По стопочке да по другой, уговорили «Перцовую», задымили сигаретами. Курили не спеша, наслаждаясь ароматным табачком, любясь красотой августовского заката. Оба были довольны и, ощущая сладкий хмель, растекающийся по телу, не знали, о чем говорить. Все так хорошо, что ничего больше и не надо.

Но Михаил Михайлович вдруг неожиданно и тяжело вздохнул.

— Ты чего? — тревожно спросил Иван Макарыч.

— Очень жаль!

— Что именно?

— А то, что можно было бы еще по стопочке дернуть, да ничего нет...

— А-а-а... — протянул бывший коллега, прищурившись, с улыбкой. — Я так и знал! Нужно было думать, когда собирался на озеро.

— Я-то думал, — обиженно произнес Севостьянов и повертел в руке опустевшую бутылку, — а вот ты что делал? В потолок глядел?

— Глядел! — согласился Михаил Михайлович. — И знаешь, что там увидел? Вот что!

Он запустил руку в свою сумку и вытащил такую же бутылку. «Перцовая» была полной...

— Что это? Откуда? — изумился бывший автоинспектор.

— То же, что у тебя было! А ты думал, я иждивенцем буду? Так я никогда за чужой счет не жил, сам себя обеспечивал!

— Какой ты молодец, Макарыч! Я тебя обожаю!

Михаил Михайлович переполез на противоположную сторону «стола», обнял друга тяжелой рукой:

— Давай выпьем за дружбу!

— За нее мы уже принимали, давай за удачу! За рыбу. Надо поймать побольше, порадовать своих жен и заработать от них магарыч. Надо чаще совершать вылазки на природу, укреплять свое здоровье.

— Очень замечательный тост! — произнес Иван Макарович. — Наливай, да не скупись!

— Как можно?! — расплылся в улыбке Касьянов.

Хмель одолевал мужиков, тормозил их языки и сделал неподъемными веки. Они сплипались, и разлепить их становилось все труднее. Первым «клюнул носом» Севостьянов. Не прошло и минуты, как он захрапел.

— Эй, ты это чего? Ты это зачем? А поговорить о жизни. А еще по рюмочке за удачу?

Михаил Михайлович стал на четвереньки, чтобы заглянуть другу в лицо в темноте, но руки его надломились, он качнулся и повалился на траву рядом.

Безлунная ночь сгустила сумерки, выползала из-за макушек деревьев, накрыла озеро и все вокруг него. Страдающие бессонницей лесные птицы сбавляли голос. Редкими стали всплески играющей рыбки. Ильмень засыпал в наступившей тишине.

И вдруг на его середине, недалеко от еле заметной полосы на воде от верхней веревки сети, что-то хрипло и глухо булькнуло. Один раз, другой. Образовавшиеся на воде круги медленно расплывались и пенились. Булькнуло еще раз, потом заклокотало и зашипело... Из воды поднялся колыхающийся столб не то дыма, не то пара. Макарович заворочался, застонал, перевернулся на спину и разлепил глаза. Минуту соображал что-то, потом резко вскочил и сел на траву.

— Мишка, — толкнул он напарника, — глянь, Мишка, что там творится!

Тот тоже поднялся и посмотрел туда, куда указывал друг. В тот же миг с центра озера донесся хрип, а затем раскатистый, захлебывающийся смех. Будто могучее существо хохотало от всей души и трясло все озеро. Рыбаки вскочили на ноги и стояли застывшие, ничего не понимая. Потом Макарович схватил свое ружье и взял его наизготовку.

Смех так же неожиданно смолк, как и возник. Круги на воде, в том месте, откуда он исходил, стали сужаться и уменьшаться. Когда осталась заметной лишь одна небольшая точка, над ней тоже повисла непонятная дымка.

Мужики еле различали друг друга в плотной темноте, забыв про свои фонари, лежащие в рюкзаках. Севостьянов привычно чиркнул спичкой, забыв достать сигарету, затряс обожженными пальцами и спросил напарника:

— Что скажешь, Михалыч?

Касьянов растеряно пожал плечами:

— Чертовщина какая-то... Кто-то есть там, что ли, или аномалия происходит. Я слышал у нас на работе ребята когда-то о чем-то похожем рассказывали. Смеялись, чудом называли.

— Как же рыба наша? Может, ее уже сожрал кто, если она попала в сеть?!

— Утром узнаем, а сейчас давай допьем «Перцовую» и спать, — ответил бывший сослуживец.

На вольном воздухе, в ласкающей прохладе да после злой «перцовки» охотники спали мертвецки. Ни солнце, уже заглянувшее в укромный приозерный уголок, ни комарье, танцующее и зудящее, не могли их разбудить. Пока огромная серая ворона тяжело не шлепнулась на ветку ивы в двух шагах от спящих. Она

хлопнула крыльями и каркнула, как в басне, во все свое горло. Бывший подполковник шевельнулся, открыл глаза и испугано сел на траву. Реальность медленно вкрадывалась в его сознание, восстанавливая вчерашние события. Он покрутил головой, посмотрел на затухший костерок, на небурный «стол» с пустыми бутылками и недоеденной закуской. Видно, именно на нее нацелилась старая плутвка ворона, да не успела спикировать.

Голова Макарыча хоть и гудела, но сохранила нить вчерашних событий, и он дернул за ногу своего друга.

— Михалыч! Просыпайся, зорьку проспали! Вот, туды ее мать, эту «перцовку!» Сшибла нас! Заря пропала, ничего теперь не поймаем.

Бывший инспектор ГАИ плохо соображал. Ворочал глазами, отдувался, но произнес вполне разумную фразу:

— Поймаем! В сеть небось набилось полно...

— Где там! — отмахнулся Макарыч. — Забыл, что творилось на озере вечером? Ключья там одни от сети остались и от рыбы!

Не позавидуешь мужикам! Тряслись от холода, морщились от головной боли и еле ворочали языками.

— Чайку бы хлебнуть, нутро согреть, — сказал один.

— Неплохо бы, если термос цел.

— У меня ничего не пропадает, сумка надежная, — пробормотал Михалыч.

Крепкий чай взбодрил обоих. Пили, обжигаясь, торопясь, молча. А солнце уже набрало высоту, висело над Ильменем и смеялось над охотниками.

После часа, знамо дело, Иеркур. Дымили жадно, поглядывая на озеро. Думали об одном — о вчерашних событиях. Что же за кутерьма была на воде? Кто там бушевал, бесился и хохотал? А дым из воды почему? Как же может так что-то гореть в воде? Нелепость!

— Слышишь, Макарыч, а ведь не зря в городе про двух старух базарных болтают. Будто они говорили про чудеса на Ильмене, что видел дед-рыбак.

— Болтовня все это и брехня. Бабы всякое могут напридумывать, на то они и бабы, — поморщился Севастьянов. Но вдруг осекся, вытаращил глаза и побледнел. Сигарета затряслась в его руке.

— Ты что, Иван? Дурно, что ли, тебе? — насторожился Михаил Михайлович.

— А знаешь, — взял тот друга за руку, — в любой брехне есть доля правды. Мы с тобой где сейчас? На Ильмене! А что вчера вечером видели? Не то же самое, что бабкин дед-рыболов? Стало быть, не придумал старик, правду говорил. А хочешь, давай сплаваем туда, где булькало?

— Нет, нет! Я в это озеро больше не полезу! — наотрез отказался Михалыч.

— А как же сеть, рыба?

— Да черт с ней, не рисковать же из-за этого?

— Какой риск? Мы ведь нырять не будем, соберем сеть и рыбу и назад.

Еще чуть-чуть поколебался бывший инспектор, и друзья все-таки поплыли за рыбой. Гребли осторожно, с опаской поглядывая по сторонам и в воду. Доплыли до первого кола, Макарыч потрогал его, качнул, потом опасно опустил в воду руку.

— Шнур натянут, значит, сеть цела, — вполголоса произнес он.

— Отвязывай, но не упusti, она может быть тяжелой, если в ней много рыбы.

— Есть! — тут же обрадовано произнес Макарыч. — Я чувствую, трясется что-то...

Стали поднимать. Первой «рыбой» оказался увесистый, почерневший от долгого пребывания в воде кусок дерева толщиной в руку и длиной с метр. Освободились от него, поплыли дальше, подтягивая шнур и собирая сеть. Она тряслась, дергалась и уводила то в одну, то в другую сторону.

— Рыбина! Ого! — воскликнул Макарыч, и на поверхности показался жирный бок крупной рыбы.

— Карась? — почему-то шепотом спросил Касьянов.

— Нет! Перья красные — язь, наверное.

Сачком с трудом и волнением перевалили добычу через борт в лодку, опасно качнув ее. А шнур затрясся еще сильнее, кто-то потянул лодку в сторону, потом вперед. Макарыч молча и сосредоточенно боролся со второй рыбой, потом с третьей, а сеть в воде бултыхалась не переставая. В лодке уже кувыркались пять язев и один карась

— Давай, тащи! — кричал в азарте напарник, и эхо далеко разносилось по озеру.

Улов был поразительный, потрясающий и неожиданный! Рыбаки, парализованные волнением, смотрели на запутавшуюся и барахтающуюся сеть и не могли двигаться.

Но вот почувствовался новый толчок в лодку снизу. Второй кол, до которого оставалось совсем немного, вдруг качнулся и медленно всплыл.

— Все! — восторженно и почему-то обрадованно произнес Михаил Михайлович. — Больше рыбы нет. Поплыли к берегу.

До берега оставалось не больше трех метров, когда Иван Макарович вдруг крикнул гребцу:

— Смотри! Назад посмотри!

На озерной глади, там, где вечером происходили непонятные события и только что стояла сеть, вдруг опять забурлила вода, поплыли круги — и на поверхность вырвались клубы пара. Они поднимались вверх, как дым из печной трубы в морозную и тихую погоду. Послышался короткий свист и все замерло. Круги исчезли, вода успокоилась...

Машина, будто застоявшийся на привязи конь, резво бежала по асфальту. Макарыч рулил молча, смотрел вперед на бегущую навстречу дорогу, а его бывший подчиненный дремал, слегка прикрыв глаза.

— Все же много странного в этом Ильмень-озере! — произнес он. — Бульканье воды, круги всякие, пар какой-то. Мистика!

— А еще, говорят, иногда по ночам с его дна свет идет. На поверхность он не выходит, а в глубине горит, — отозвался Касьянов.

— Вот-вот! Выдумывают люди, кто во что горазд. А на самом деле живет озеро своей жизнью, украшает землю, кормит разную живность и людей. Вон мы какой рыбы наловили! Раскормил ее Ильмень нам на радость. И пусть он всегда будет таким, — заключил Иван Макарович.

